

— первая среди лучших —

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!

ТАТЬЯНА
Устинова
ПАВЕЛ
Астахов

Я - судья.
Кредит доверчивости

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Я — судья. Кредит доверчивости : роман /
Татьяна Устинова, Павел Астахов. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Татьяна
Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-699-84055-7

Тема, затронутая в новом романе самой знаковой писательницы современности Татьяны Устиновой и самого известного адвоката Павла Астахова, знакома многим не понаслышке. Наверное, потому, что история, рассказанная в нем, очень серьезная и болезненная для большинства из нас, так или иначе бравших кредиты! Кто-то выбрался из «кредитной ловушки» без потерь, кто-то, напротив, потерял многое — время, деньги, здоровье!.. Судье Лене Кузнецовой предстоит решить судьбу Виктора Малышева и его детей, которые вот-вот могут потерять квартиру, купленную когда-то по ипотеке. Одновременно ее сестра попадает в лапы кредитных мошенников. Лена — судья и должна быть беспристрастна, но ей так хочется помочь Малышеву, со всего маху угодившему разом во все жизненные трагедии и неприятности! Она найдет решение труднейшей головоломки, когда уже почти не останется надежды на примирение и благополучный исход дела...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Астахов П. А., Устинова Т.В., 2018
© Оформление.

ISBN 978-5-699-84055-7 ООО «Издательство «Э», 2018

Законы нужны не только для
того, чтобы устрашать граждан,
но и для того, чтобы помогать им.

Вольтер

Пятно на потолке очертаниями напоминало Австралию.

Еще вчера оно пульсировало мутной водой в районе Сиднея, а сегодня успокоилось, подсохло и приобрело весьма благообразный вид далекого континента.

Надежда Степановна залила нас четвертый раз...

Я, конечно, немедленно сообщила ей эту радостную новость, но соседку, живущую этажом выше, она не впечатлила.

— Капремонт в доме когда последний раз делали? — попыхивая мне в лицо сигаретным дымком, спросила она.

— Не знаю, — честно призналась я.

— А вот я знаю. Наш дом аварийный. Практически... Впрочем, хотите триста рублей за побелку?

Триста рублей меня не спасли бы, поэтому я сказала, что не хочу.

— Ну вот и ладненько. — Надежда Степановна стряхнула пепел за порог, к моим тапкам. — Я знала, что мы по-хорошему договоримся. О'ревуар!

— О'ревуар, — пробормотала я захлопнувшейся у меня перед носом двери.

Конечно, можно было поскандалить с соседкой и доказать, что она залила меня вовсе не из-за того, что дом аварийный, а по собственной халатности, но...

Я — судья • *Кредит доверчивости*

Но даже если Надежда Степановна оплатит мне стоимость натяжного потолка, проблему это не решит.

Спустившись в квартиру, я прошла по комнате, заглянула на кухню и в ванную, обследовала узкий коридор...

Обои свисали кое-где клочьями, линолеум от старости пошел трещинами, словно земля после засухи, краска на стенах в ванной вздыбилась пузырями, и пузыри эти периодически лопались, обнажая темное устрашающее нутро...

Что там какая-то Австралия на кухонном потолке... Мелочь. Пустяк, который в масштабах общего разрушения не имеет никакого значения.

Я налила себе чай и задумалась.

Так больше жить нельзя. Такие квартиры, как у меня, показывают в сюжетах о неблагополучных семьях — тут подтек, там сломано, здесь ободрано...

Сашка неделю назад мне сказала:

— Мам, мы живем как бомжи.

Тогда я обиделась, а теперь поняла — мы живем как бомжи, это установленный факт. И Надежда Степановна тут ни при чем.

Нужно делать ремонт — срочно, немедленно, пока на голову не посыпалась штукатурка, пока сантехника окончательно не пришла в негодность, а стены в ванной не заросли черной плесенью от постоянной, удушающей влажности, свойственной старым, «практически аварийным» домам...

Я допила чай, налила еще чашку, но, оставив ее, опять прошла по квартире, прикидывая, в какие деньги мне обойдется хотя бы минимальное устранение следов «аварийности» в моем жилище.

Получалось — в немалые...

Даже если не покупать кафель, не менять двери и окна, то сантехника, новые трубы, линолеум, обои и краска вылетят в копейчку... Плюс оплата рабочим, потому что сама я линолеум не постелю, а уж тем более трубы не поменяю.

Стало вдруг до слез обидно — ну почему я должна вкладывать кровно заработанные в служебную квартиру? Почему должна менять казенные трубы, казенную сантехнику, стелить на казенный пол свой линолеум?..

Словно в насмешку над своими нерадостными мыслями, споткнулась о загнувшийся край линолеума, едва не упав.

Забытый на столе чай безнадежно остыл, и я раздраженно вылила его в раковину.

Вывод напрашивался один: пока Сашка изучает язык в английской семье по программе международного обмена школьников, мне нужно сделать хотя бы самый дешевый ремонт — побелить, покрасить, наклеить обои, содрать старые клочки линолеума и постелить новый.

Ничего, без рабочих справлюсь, по выходным начну отдираать обои и сбивать старую штукатурку... Ну, в будни — по вечерам — напишу пару статей в «Вестник РГГУ», а на гонорар куплю шикарный тюль и портьеры из тяжелой струящейся тафты вместо простых голубых занавесок.

А трубы в казенном доме пусть дальше ржавеют, гниют и разваливаются, шут с ними. Меня это не касается, я просто приобрету специальный состав от плесени и обработаю в ванной стены — кажется, есть такой, я где-то слышала...

Я вдруг почувствовала отчаяние и обиду — оттого что квартира служебная и глупо затевать полноценный ремонт, оттого что Сашка так да-

леко и не может прямо сейчас сказать: «Мам, не расстраивайся, ведь главное — нам не приходится снимать за бешеные деньги жилье», оттого что... на потолке, в районе Сиднея, снова набухла и грозит разразиться потоком мутной воды крупная, размером с грецкий орех, капля...

Я схватила тазик, поставила его под Австралию и, снова споткнувшись о злосчастный край линолеума, побежала к Надежде Степановне.

Она открыла дверь, по-прежнему попыхивая сигаретой, с чашкой кофе в руке. Макияж и прическа у соседки были такие, будто сейчас не семь утра, а десять вечера и она собралась на великосветский прием.

— Все, все, воду я уже перекрыла и аварийку вызвала, — поспешно сообщила Надежда Степановна. — Свищи в трубах! Дом-то аварийный, как ни крути...

Она захлопнула дверь, а я поплелась вниз, ощущая новый прилив горечи и раздражения. Казенный дом — с жильцов взятки гладки. Бели не бели, Австралия на моем потолке поселилась, похоже, навсегда...

Я мысленно представила, как Сашка говорит мне: «Не грузись, мам!» Универсальный рецепт для всех жизненных неурядиц — «не грузись!». Главное, все живы, здоровы...

Стараясь выбросить из головы мысли о предстоящем ремонте и «вечном потопе», я села перед зеркалом — до работы оставалось всего ничего, и нужно было привести себя в порядок: причесаться, накраситься и ликвидировать следы озабоченности на лице... Пудра, тушь и немного губной помады всегда были гарантом хорошего настроения. Но как я ни старалась в этот раз, мысли все равно возвращались к бытовым проблемам,

тем более что на кухне вода все еще звонко капала в таз.

Вот если бы у меня была своя квартира... Если б своя!

Я внимательно всмотрелась в свое отражение в зеркале. Неужели такое когда-нибудь будет? У меня — собственная квартира. Свои окна, свои двери, свои стены, свой потолок и пол. Соседи свои, а не служебные, пыхтящие сигареткой...

И дом, нисколечки не аварийный, а надежный, крепкий, практически новый дом, которому еще долго не понадобится капитальный ремонт. Без плесени в ванной, без пузырящейся краски на стенах, без свищей в трубах, без перекошенных дверей...

Завороженная этой мыслью, я забыла накрасить глаза, взяла сумку и вышла из квартиры, почти ненавидя этот узкий коридор и заедающий замок. А ведь еще недавно я радовалась служебному жилью как подарку судьбы... Еще недавно я подсчитывала сэкономленные на съеме жилплощади деньги и обещала Сашке: «Теперь заживем!»

Своя квартира — не роскошь, а жизненная необходимость, как воздух, вода, еда, любовь близких...

У меня, конечно, не семеро по лавкам, но жизнь не стоит на месте. Вот выскочит Сашка через несколько лет замуж, и что?

Я замерла у машины, представив, как прекрасный, но бедный юноша — не сомневаюсь, что Сашка выберет именно такого, — поселится на тридцати квадратах служебной площади и будет путаться у меня под ногами, разумеется, полуодетый, и занимать ванную, разумеется, на час, и, не дай бог, петь там дурным голосом, и, разумеется, лазать в мой холодильник за борщом и

Я — судья • *Кредит доверчивости*

котлетами, и щелкать каналами, заняв на диване мое любимое место.

А потом непременно родится внук или внучка. А может быть, оба сразу или один за другим... Им тоже понадобится жизненное пространство, и не бабушкино, и уж тем более не служебное, а свое — свое! Где разрешат рисовать на обоях картины, разбрасывать игрушки, играть в догонялки и прятки, завести наконец собаку и куда без стеснения можно пригласить на день рождения друзей, чтобы весело задуть на праздничном торте свечи...

Я решительно села в машину и завела со злостью движок.

Не хочу прекрасного, но бедного юношу на своей территории.

Не хочу, чтобы внуки, близняшки или погодки — я почему-то решила, что именно такими они и будут, — ютились на тридцати квадратах служебной площади без перспективы иметь собственную комнату, завести собаку и пригласить друзей...

У Сашки должен быть свой угол, свое жилье, она не должна ни от кого зависеть — ни от меня, ни от юношей, — она должна быть свободной и уверенной в завтрашнем дне. И пусть я не очень хорошая мать — вечно занятая работой, вечно спешащая и опаздывающая, приходящая поздно и уходящая рано, — но квадратные метры личного счастья я обязана ей обеспечить.

Ремонт я, конечно, сделаю — недорогой.

Но... почему бы мне не попробовать взять ипотечный кредит?

Выкручиваются же люди, зарабатывают на квартиры. Чем я хуже? Ежемесячный взнос будет чуть больше той суммы, что я платила за съемное

жилье, значит, сам бог велел воспользоваться тем, что мне дали служебную жилплощадь, и вполне можно вложить освободившиеся деньги в ипотеку...

Придется затянуть пояса — и мне, и Сашке, — но ради такого...

Я вырулила на проспект, переключилась на третью передачу, но «Хонда» шла тяжело, с натугой — будто груженный «КамАЗ» на буксире тащила. То есть на первой передаче она еще кое-как ехала, а на второй и третьей упиралась, как упрямый осел. Солнце нещадно палило, несмотря на раннее утро, это грозило закончиться, как пить дать, перегревом движка и закипанием радиатора.

После ремонта с моей «Хондой» случались поломки, которые, как говорится, «на скорость не влияли», а тут вдруг что-то решительно повлияло.

Я перестроилась в правый ряд и притормозила у обочины. Вышла из машины и повела себя в соответствии со всеми анекдотами на тему «женщина за рулем» — попинала колеса, протерла зеркала заднего вида.

Ипотека...

Какая уж тут ипотека, когда все рушится, валится, протекает и ехать не хочет. Давно надо было забить в мобильник номер эвакуатора, да все руки не доходили...

Вот, допрыгалась.

Вздохнув, я открыла капот. С таким же успехом я могла бы заглянуть в атомный реактор, чтобы предотвратить расплавление топливного стержня. Внутренности «Хонды» наводили на меня почти священный ужас, максимум, что я могла, — проверить уровень масла и ремень генератора. И то и другое оказалось в норме, на месте, в порядке...

Я — судья • *Кредит доверчивости*

Выхода было два — или ползти до работы на первой передаче с риском воспламениться, или искать номер эвакуатора. Впрочем, эвакуатор мог заменить один человек, он давно ассоциировался у меня со службой спасения.

Я достала телефон и позвонила.

— Константин Сергеевич? Кажется, мне опять нужна твоя помощь...

— Проблемы? — громыхнул сзади раскати-
стый бас.

Я оглянулась и увидела гаишника размером с Кинг-Конга.

— Потом перезвоню, — шепнула я Таганцеву в трубку и отключилась.

— Я говорю, барышня, вы чего посреди доро-
ги-то раскорячились, движению мешаете? Про-
блемы?

Я хотела объяснить, что я не барышня, а су-
дья, что я не «раскорячилась» посреди дороги, а
прижалась к обочине, что техосмотр и страховка
у меня в порядке, машину не угнала, она просто
ехать не хочет, что...

Вместо этого я пробормотала нечто невразу-
мительное.

— Понятно, — кивнул гаишник и, согнувшись
в три погибели, нырнул под капот. — Не «Бент-
ли», конечно, но ехать должна, — задумчиво ска-
зал он, осмотрев внутренности «Хонды».

— Не хочет, — пожаловалась я, заметив сочув-
ствие в его взгляде. — То есть на первой еще кое-
как, а на второй и третьей...

Я села за руль и продемонстрировала, как едет
моя машина. Вернее, как не едет.

Когда я остановилась, гаишник с трудом про-
тиснулся в салон.

— С ручника пробовали снимать? — он с жа-
лостью посмотрел на меня.

— А... э-э... то есть... как... разве?.. — промям-лила я.

— Попробуйте. Легче пойдет.

Он вылез из машины, козырнул и ушел, небрежно постукивая полосатым жезлом по ноге. Его широкая спина и бритый затылок выражали презрение...

Я достала из сумки мятлый леденец и сунула под язык.

Мысли об ипотеке и ремонте так выключили меня из действительности, что я метров пятьсот ехала на ручнике.

Хорошо еще, что эвакуатор не вызвала.

А еще лучше — не успела Таганцева вызвать. Это был бы номер. Разговоров до конца дней моих скорбных!..

Я отжала ручник, тронулась с места и без труда вписалась в поток. «Хонда» больше не упиралась, легко маневрировала и набирала скорость.

Что ж, как минимум траты на ремонт если не исключаются, то откладываются на неопределенный срок.

Едва я привыкла к этой счастливой мысли, как перед глазами всплыла рекламная растяжка: «Новые квартиры в ипотеку в Павшинской пойме. Время брать! Низкие ставки. Бесплатное рассмотрение и досрочное погашение».

Я почувствовала, как сердце учащенно забилось, и ударила по тормозам.

Вот почему, стоит только о чем-то подумать, как напоминание об этом начинает подкарауливать тебя на каждом углу, словно провоцируя — сделай это, сделай! Не думай, не просчитывай риски, просто сделай — и все, а там видно будет...

Время брать! Время брать... Сорок квадратов, нет, шестьдесят или семьдесят — с расчетом на Сашку, ее полуобнаженного юношу и риск появ-

Я — судья • *Кредит доверчивости*

ления внуков. Учитывая, что я сама еще крест на своей личной жизни не поставила, лучше бы сто двадцать квадратов, но это из области фантастики — сто двадцать я не потяну, даже учитывая низкие ставки.

В Павшинской пойме купили недавно квартиру мои друзья Машка с Павликом. Хвастались — и воздух там чистый, и дороги хорошие, и лифт всегда работает, и ТСЖ — честное-пречестное! — не дурит, не мухлюет, благоустройством территории занимается.

Ну почему мне попала реклама квартир именно в этой пойме! На другую я, может, и внимания бы не обратила.

...Я очнулась от того, что водители истерично сигналили мне и, проезжая мимо, стучали себя по лбу. Оказалось, я еду посреди полосы со скоростью двадцать километров в час. Стоило с ручника сниматься...

Я поддала газу и перестроилась в левый ряд. В сумке разрывался мобильник: наверное, Таганцев хочет уточнить, какого рода помощь мне нужна. Я решила не брать трубку — врать не хотелось, а честно признаться, почему звонила, смелости не хватало. Рассосется как-нибудь и само собой пройдет, как любит говорить моя подруга Маша. Таганцев заматывается и забудет, что я просила у него помощи.

* * *

«Время брать!» — стучал молоточками в голове рекламный слоган, когда я парковалась возле здания суда рядом с блестящим на солнце «Фольксвагеном» своего помощника.

«Да, Димка, наверное, никогда не забывает снять своего коня с ручника, — с грустью поду-

малось мне. — И ремонт у него идеальный... И ипотека ему не нужна, потому что квартиру родители подарили!

Ну и пусть, — размышляла я, втискиваясь в узкую щель, — зато Дима не взбодрится, как я, от рекламного слогана «Время брать! Низкие ставки...» То, что легко достается, не ценится, и мой помощник наверняка не ощущает эйфории от того, что живет в собственной квартире, ездит на новой машине и ему не надо ликвидировать Австралию на потолке.

Я с трудом вылезла из машины, стараясь не свернуть зеркало на «Фольксвагене». Если Дима захочет съездить куда-нибудь в течение рабочего дня, он, пожалуй, не сможет открыть дверь.

Я задумалась — не перепарковаться ли, нельзя же парню такие трудности создавать. И тут в сумке снова зазвонил мобильный. К моему удивлению, на дисплее высветилось не «Таганцев», а «Натка» — моя сестра.

— Ленка, я погибла, — трагически сообщила она, едва я успела снять трубку.

Погибала Натка с регулярностью два раза в месяц, поэтому ее сообщение меня не впечатлило.

— Жена твоего нового кавалера грозитя оторвать тебе голову? — усмехнулась я, испытывая облегчение, что это не Таганцев.

— Ленка! — сдавленным голосом повторила Натка. — Если ты мне не поможешь, меня убьют!

— Брось его, — посоветовала я.

— Кого?

— Того, чья жена хочет тебя убить.

Я собиралась нажать отбой, но Натка истошно закричала: